

ЧЕСЛАВ КИРВЕЛЬ

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИРА И ВОСТОЧНОЕ СЛАВЯНСТВО

В современных условиях происходит интенсивный процесс формирования новой геоструктуры мира, нового мироустройства, нового миропорядка. Границы национальных государств стали сегодня тесными для технико-экономического развития. Наметилась явная тенденция выхода экономических систем за рамки национально-территориальных образований. Утверждению данной ситуации в немалой степени способствовали научно-технические достижения, развитие наукоемких производств и высоких технологий. К таковым сегодня, прежде всего, относятся компьютерная техника, средства и инфраструктура телекоммуникаций, информационные потоки, высокоскоростной транспорт, а также распространение образовательных моделей благодаря научному и другим видам интеллектуального обмена.

Все это действительно так. Но это совсем не означает, что для развития современных хозяйственных структур нужен обязательно “весь мир”, вся наша планета. На поверку оказалось, что глобализация вовсе не глобальна, что она не имеет вселенского охвата. В действительности процессы экономической интеграции вполне успешно и эффективно сегодня протекают в географических регионах, населенных **родственными в цивилизационном и социокультурном отношениях народами, то есть народами, принадлежащими, как правило, к той или иной локальной цивилизации современного мира.** Наиболее ярким примером такого рода региональной интеграции выступают страны Западной Европы, ряд государств Юго-Восточной Азии. В последнее время тенденция к региональной интеграции стала заметно проявлять себя и в Латинской Америке. Импульсивное и весьма обостренное стремление к консолидации присуще некоторым лидерам, общественным и религиозным, деятелям исламского мира. Другое дело, что США и их союзники пытались и еще в какой-то степени пытаются навязать реальным интеграционным процессам свою версию направленности их развития. По сути дела, США стремились сконструировать систему глобальной регуляции мировой эконо-

---

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Автор книг “Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции”, “Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире”, “Современные глобальные трансформации и проблема самоопределения восточнославянских народов”, ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. Живет в г. Гродно, Республика Беларусь.

мики, отнюдь не соответствующую действительному характеру и объективным тенденциям ее развития. Их целью был “однополярный” мир, которым можно было бы управлять из одного центра.

Однако глобализационный проект США, ориентированный на моноцентричность мира, оказался очередной эпохальной иллюзией, фантомом. Мир по-прежнему остается не единым. В реальности идет интенсивный процесс **формирования самодостаточных региональных центров развития и силы**, объединяющих в себе целую группу государств и вступающих между собой в жесткую конкурентную борьбу.

Похоже, наш мир будет еще долго, если не всегда, оставаться “многополярным”, полицентрическим. Ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит “логике социального”, базирующегося, как и все в мире живого, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии сами по себе обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В практике реальной жизни процесс становления новой геоструктуры мира, нового мироустройства имеет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жестких разделительных линий. Иначе говоря, если раньше основными элементами геоструктуры мира являлись национальные государства, то сегодня такими все в большей мере начинают выступать региональные центры развития и силы, коалиции государств, группирующихся, как правило, вокруг региональных гигантов.

Сегодня бесспорным фактом является то, что на нашей планете наряду с существованием огромного количества стран Третьего и отчасти бывшего Второго мира, утративших способность к самостоятельному развитию, так называемых “падающих” или “несостоявшихся” государств, выявился целый ряд крупных стран, которые, несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от стран Первого мира – лидеров глобализации, – быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень в мировой иерархии и, соответственно, начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. В специальной литературе эти государства сейчас принято называть “восходящими странами-гигантами”. Пальма первенства среди этих стран, безусловно, принадлежит Китаю, масштабы территории, численность населения и темпы роста которого в своей совокупности просто беспрецедентны. К этой группе государств наряду с Китаем чаще всего относят Индию, Бразилию и Россию (так называемая группа БРИК). Кроме этого, в последнее время стали с различной степенью определенности говорить о “втором эшелоне” восходящих стран, к которым относят Мексику, Пакистан, Индонезию и ЮАР. Для обозначения “второго эшелона” также уже появилась своя аббревиатура – ЮПИМ [1, с. 51]*.

Почему так получается? Почему не глобализация, а регионализация становится доминирующим фактором мирового развития? Дело в том, что в современных условиях, прежде всего ввиду ограниченности ресурсов, ужесточается конкуренция по всем направлениям и азимутам. В ситуации ужесточения глобальной конкуренции на мировых рынках подавляющее большинство государств нашей планеты могут сохранить свой суверенитет только в союзе с другими государствами, путем создания коалиции, позволяющей им более успешно противостоять давлению глобальных монополий и различного рода другим глобальным опасностям и вызовам. А вызовов этих и опасностей глобализация в своем развитии породила немало. Прежде всего, она запустила в действие “дьявольский насос” (выражение академика Н. Моисеева), позволяющий странам с производительностью труда выше среднемирового уровня выкачивать из стран с производительностью труда ниже среднемирового уровня ресурсы всевозможного рода – природные, финансовые, интеллектуальные, человеческие, включая даже красивых женщин. Дифференциация по уровню доходов между населением развитых и отставших стран стала в этой связи нарастать с угрожающей скоростью. Но, как говорится, всякому действию равно противодействие. У государств и народов мира существует инстинкт самосохранения. К сегодняшнему дню его проявлением как раз и стал “переход от глобализации к регионализации, то есть от формирования едино-

---

* См. список литературы в конце текста. – Ред.

го общемирового рынка к созданию системы региональных рынков. В их рамках в силу снижения остроты конкуренции смогут не только существовать, но и развиваться относительно менее эффективные общества” [2, с. 249].

Регионализацию, таким образом, можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, как способ ограничить ее негативное влияние на национальные экономики посредством установления внутрирегиональных предпочтений, внешних барьеров и коллективного протекционизма. “Регионализм – один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне”, – пишет шведский политолог Бьерн Хеттне [цит. по 3, с. 5]. А вот взгляд на эту проблему известного российского экономиста, академика С. Глазьева. Он пишет: “Нужно понимать, что весь мир стоит на пути создания мощных региональных союзов, которые могут выжить в конкурентной борьбе. Буквально через несколько лет мы станем свидетелями организации торгово-экономических отношений и связей не столько между странами, сколько между крупными региональными группировками, каждая из которых будет стремиться, доступными ей способами, накачать мускулы и стать весомым игроком, с которым считаются другие. Конкуренция будет вестись между ЕС, НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли), Меркосур (Таможенный союз ряда государств Южной Америки), ЕвразЭС, Индией, Китаем и Японией, которые создают зону свободной торговли в Юго-Восточной Азии” [4].

Некоторые авторы пишут даже о том, что сегодня обозначились контуры “мира без Запада”. Этот новый мир покоится, с их точки зрения, “на углубляющихся быстрыми темпами взаимосвязях между развивающимися странами (через потоки товаров, денег, людей, идей), которые, на удивление, неподконтрольны Западу. В результате формируется новая, параллельная международная система с собственными нормами, институтами и общепринятыми структурами власти... Восходящие державы начали выстраивать альтернативную архитектуру институтов и особые модели государственного управления, которые составляют каркас их собственного – и очень реального – устойчивого и легитимного (в глазах большей части остального мира) политико-экономического порядка” [5, с. 21].

В настоящее время все более значимым фактором международной конкуренции становится и “культурный барьер”, разделение человечества по цивилизационному признаку. “Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы, и силовое поле, создаваемое биполярным противостоением, удерживало в ее рамках все остальное человечество, оказывая на него мощное преобразующее влияние. Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, высвободив сразу две цивилизационно-культурные инициативы: исламскую, несущую мощный социальный заряд, и китайскую” [2, с. 214–242]. В результате конкуренция стала стремительно приобретать характер конкуренции между цивилизациями – “и кошмарный смысл этого обыденного факта еще только начинает осознаваться человечеством” [2, с. 242].

Что же касается участников конкуренции между цивилизациями, то они разделены еще глубже, чем стороны межнационального конфликта. “Они не только преследуют разные цели разными методами, но и не могут понять ценности, цели и методы друг друга. Финансовая экспансия Запада, этническая – Китая и религиозная – ислама не просто развертывается в разных плоскостях: они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого развития – вопросу власти, но в силу самого своего образа жизни. Компромисс возможен только в случае изменения образа жизни, то есть уничтожения как цивилизации” [2, с. 242–243]. Конкуренция между цивилизациями предельно иррациональна, а потому сверхопасна и разрушительна.

И вот что особенно здесь интересно: развернувшийся на нашей планете финансово-экономический кризис стал чрезвычайно быстро ускорять процессы регионализации мира и вести к жестким противодействиям “схеме” всеобъемлющей, стандартизирующей глобализации (точнее было бы сказать – американизации). Похоже, мировой финансово-экономический кризис положит конец всяким разговорам о регионализации как ступени на пути к глобализму или о глобализации как процессе, осуществляющемся через регионализацию.

Как представляется, есть все основания полагать, что регионы в посткризисный период будут представлять собой (они уже в значительной мере представляют) вполне самостоятельные образования, которые изначально, по своим целям и функциям будут направлены против глобализма, поставившего их в докризисное время в крайне невыгодные условия. А это означает, что мы уже вполне обоснованно можем вести речь о разворачивающемся на нашей планете **процессе деглобализации**. А как может быть иначе, если после победы над Советским Союзом в “холодной войне” экономически развитые страны перекроили мир исключительно в интересах своих глобальных корпораций? И сделали они это так эгоистично и недальновидно, что лишили половину человечества возможностей для нормального развития. Такого рода геооперация вызвала не только глобальную напряженность, всплеск терроризма и миграций, но и ограничила возможности сбыта товаров, произведенных в самих этих странах. В результате данные страны (прежде всего США) навлекли на себя не только всеобщую ненависть народов бедных государств, но и сами попали в объятия кризиса перепроизводства. При этом, что особо следует подчеркнуть, эффективность присущей евроатлантической цивилизационной модели развития повсеместно стала подвергаться сомнению и критике. Вот некоторые суждения на этот счет.

Американский экономист Роджер Олтман, занимавший, кстати сказать, в 1993–1994 гг. должность заместителя министра финансов США, в своей статье “Геополитическое поражение Запада” пишет о том, что глобальный финансово-экономический кризис подорвал доверие к экономике Запада, что он уводит мир от однополярной системы и смещает мировой фокус в сторону от США. Он прямо говорит: “В среднесрочной перспективе глобальный плацдарм Соединенных Штатов будет уменьшаться, в то время как другие страны, особенно Китай, получат шанс ускорить свое восхождение” [6, с. 20]. Британский эксперт Андриан Пабст заключает: “Мир больше не будет тянуться за Западом. “Атлантическая однополярность”... уже не формирует и не направляет глобальную геополитику и геоэкономику” [7, с. 90]. Джордж Ео, министр иностранных дел Сингапура, отмечает: “Развивающиеся страны уже не станут устремлять свои взоры только на Запад как источник вдохновения; они тоже повернутся к Китаю и, может быть, к Индии” [8, с. 29]. А бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает: “Совершенно очевидно, что однополярное мироустройство доказало свою неэффективность и нежелательность. Так что, нравится нам это или нет, мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век” [9, с. 26–27].

Алессандро Полити – директор лаборатории стратегических сценариев Института экономических исследований Nomisma (Болонья, Италия) – пишет, что идеология рыночной экономики (невидимая рука, витальная сила и демократия рынка) подорваны. “Если все это, по его мнению, и не станет концом рыночной экономики по сути, мало сомнений в том, что управляемая рыночная экономика стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) будет разительно отличаться от евроатлантической. Сценарий упадка приватной системы может показаться пугающим, но лучше смоделировать его (и сделать выводы по изменению курса), чем идти на поводу у инерции мышления, интересов привилегированных кругов и невежества, которые стремятся заблокировать радикальные перемены” [10, с. 68]. Д. Белл, всемирно известный автор теории постиндустриального общества, анализируя процессы регионализации мира, приходит к выводу о том, что наша эпоха становится “эпохой разобщенности”. Он подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом. “Именно поэтому, согласно ему, мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции... Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века” [11, с. 6]. Английский исследователь Н. Фергюссон предсказывает: “Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску, придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней – и, прежде всего, Китай, – свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущим мировой экономики” [12, с. 17].

Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что “500-летнее глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу” [13]. Обратим внимание на процесс чрезвычайно быстрого изменения ситуации в современном мире. Кто бы раньше мог подумать, что Запад прямо на глазах начнет терять статус образца развития для незападных народов и стран? Но это сегодня происходит.

А теперь поставим вопрос: как быть, как действовать, с кем объединяться и с кем разьединяться России, Беларуси и Украине с учетом вот этого современного мирового контекста, связанного как с новыми интеграционными процессами, так и новыми разделительными линиями? Нам, восточным славянам, надо очень хорошо разобраться в том, что представляет собой современный мир, в каком направлении и как движется современная цивилизация. Это необходимо для того, чтобы в очередной раз не совершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, чтобы верно определить надежную перспективу для своего дальнейшего развития. Восточнославянским народам, чтобы не оказаться вытолкнутыми на обочину исторического процесса, в нищую мировую периферию, а занять достойное место в геополитической (финансово-экономической, демографической, экологической и т. д.) обстановке XXI века, которая, по всем имеющимся признакам, обещает быть еще более противоречивой и конфликтной, чем в XX столетии, необходимо выработать и осуществить инновационную, прорывную стратегию развития, остановить явно набирающий силу процесс деславянизации мира.

Проблемы, с которыми столкнулись восточнославянские страны, настолько уникальны, что никакой внешний опыт не может нам помочь их решить. Никогда и нигде, ни на Западе, ни на Востоке никто не сталкивался с подобного рода проблемами. Вот почему у наших народов есть только один путь, одна задача: найти свой “ответ на вызов среды”, свое цивилизационное измерение, выдвинуть и воплотить в жизнь свой социальный проект. И только те лидеры, которые окажутся способными, опираясь на менталитет, исторический опыт и традиции своих народов, предложить какой-то новый, отвечающий требованиям сегодняшнего дня комплекс идей и моральных, нравственных императивов, будут соответствовать высоте своего положения и заслужат память потомков. Ибо только на собственной культурной матрице возможна всякая успешная модернизация, как это было, например, в Японии в XIX–XX веках, в Китае в XX–XXI веках.

Что конкретно наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент?

Ответ один: формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-исторической основе.

Объективно вопрос стоит так. Объединяющаяся Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы своими, и похоже, что и в обозримом будущем считать не будет. Мы для нее вечно чужие. Для “тигров” Азии (прежде всего Юго-Восточной Азии) и народов исламского мира мы тоже далеко не свои. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или они превращаются в “этнографический материал”, почву и удобрение для развития других цивилизационных центров силы.

Иные могут возразить, указав на то, что Беларусь и Украина изначально являются европейскими государствами. Это верно. Беларусь и Украина территориально принадлежат Европе. Однако следует четко различать два смысла понятия “Европа”: географический, в котором Европа как часть света простирается до Уральских гор, и социокультурно-цивилизационный. В социокультурном и цивилизационном плане Европа разделена. В действительности существует несколько “Европ”, которые крайне несхожи между собой. Первая Европа (Западная Европа) – это та, которая дала миру техногенную цивилизацию, то есть первая в мире осуществила индустриализацию и распространила (или навязала) по всему миру нормы и законы общества потребления. Первая Европа – это совершенно уникальный регион мира, омываемый Гольфстримом, и, соответственно, с характерным для него умеренно теплым океаническим климатом. В принципе Западная Европа неповторима нигде и никогда, поскольку она сложилась и структурировалась в результате действия многих факторов, которые во всей своей совокупности больше не обнаружили себя ни в каком другом регионе мира (об этом очень убедительно писал

выдающийся немецкий социолог М. Вебер). Ко второй Европе, с некоторой долей условности, можно отнести Чехию и Венгрию. Эти государства ближе всего к Западной Европе и по географическому расположению, и по духу. Что касается Болгарии и Румынии, то они уже существенно иные по духу и ментальности. Польша находится где-то между второй и третьей Европой. Албанию и Косово придется отнести к четвертому лику Европы, ведь они представлены этносами, исповедующими ислам. Беларусь, Украина – тоже Европа, но по природно-климатическим, религиозным, ментально-духовным характеристикам они наиболее далеки от Западной Европы. Здесь в целом, конечно, обнаруживается такая тенденция: чем ближе к Западу, тем больше Европы; чем ближе к Востоку – тем меньше Европы. Нравится это кому или нет, но Беларусь и Украина принадлежат не к западноевропейской протестантско-католической цивилизации, а имеют прямое отношение, от самых корней, из глубин, к восточно-православной славяно-русской цивилизации. (Хотя оспорить этот тезис весьма трудно, но многие, тем не менее, будут пытаться это делать. Верно сказано, что если бы таблица умножения затрагивала чьи-либо интересы, правильность ее непременно ставилась бы под сомнение.)

Вообще культурно-цивилизационная дифференциация является неоспоримым фактом истории развития человечества. Этот факт получил исчерпывающее осмысление в мировой социально-философской мысли. Явление цивилизационной дифференциации человечества зафиксировано в целом ряде широко употребляемых ныне понятий: “культурно-исторические типы” (Н. Я. Данилевский), “локальные цивилизации” (А. Тойнби), “суперэтноты” (Л. Н. Гумилев) и др. Но если это так, если белорусский народ принадлежит к восточнославянской православно-христианской цивилизации, то подлинным белорусским националистом в позитивно-конструктивном, творчески созидательном смысле может быть только славянофил*. Белорусский националист-западник – это псевдонационалист, человек, изменяющий культурно-цивилизационной идентичности своего народа. Общественно-политическая, педагогическая деятельность такого человека объективно (независимо от его самооценки) направлена на разрушение глубинных основ социального бытия восточнославянского суперэтноты. По сути дела, такого рода деятель стремится (возможно, отнюдь не бескорыстно) “сдать” свою цивилизацию другой, чужой цивилизации, войти в “чужой дом”, нимало не задумываясь при этом о реальных последствиях данных стремлений для своего народа и даже о том, что такие попытки, помимо всего прочего, просто неприличны в чисто человеческом, нравственном смысле. То же самое можно сказать и об украинских националистах-западниках. С упорством, достойным лучшего применения, данные “националисты” не перестают рассматривать Украину и Беларусь как изначально, причем не просто в географическом, а именно в социокультурном и цивилизационном смысле, принадлежащими к европейской и вообще к западной культуре, истории, идентичности, религии, ценностям, ментальности и т. д.

Но что тут можно сказать? Похоже, нам ничего не остается, как обратиться к научным работам, специально исследующим этот вопрос.

Как представляется, эта тема наиболее полно раскрыта американским исследователем С. Хантингтоном. Он в своей книге “Столкновение цивилизаций” дает характеристику восьми мировым цивилизациям, существующим сегодня на нашей планете и, что самое важно для нас, четко очерчивает цивилизационные границы Запада. Согласно ему, в целом Запад сегодня включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, то есть Австралию и Новую Зеландию [14, с. 57]. Что же касается границы Европы на Евразийском континенте, то восточная граница Запада совпадает с восточной границей западного христианства, которая сформировалась в 1500 году. Хантингтон прямо ставит вопрос о том, какой из народов, населя-

---

* Проблема национализма в условиях современности выдвинулась на передний план исследовательского интереса. Сегодня стало ясно, что историческое самоопределение народов, находящихся в условиях социального транзита, их успешное социокультурное развитие и позиционирование на мировой арене невозможно без известной доли здорового государственного национализма, национализма как формы национального возрождения и условий эффективной модернизации. Другое дело, что национализм как объективно неизбежный спутник формирования государства-нации необходимо отличать от различных форм этнократизма, ксенофобии, нацизма и расизма.

ющих географическое пространство Европы, можно относить к потенциальным членам Европейского Союза, НАТО и подобных им организаций, и отвечает на него следующим образом: “Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в IV веке и создания Священной Римской империи в X. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на Севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии и по Украине, отделяя униатский Запад от православного Востока; через Румынию, между Трансильванией, населенной венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Османской империями. Это – культурная граница Европы, и в мире после “холодной войны” она стала также политической и экономической границей Европы и Запада...

Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают sotto voce*, именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков” [14, с. 243–244].

Другой западный автор, Ф. Болкестайн, в своей книге “Пределы Европы”, изданной в 2003 году, пишет о нецелесообразности и невозможности включить Россию, Украину и Беларусь в Европейский Союз и относить их к европейской цивилизации. При этом, с его точки зрения, Украина, Беларусь (сюда он относит и Молдавию) должны стать “буфером” между Европейским Союзом и Россией. Отсюда, кстати сказать, и была придумана концепция “государств-соседей” Европейского Союза. “Соседи” в данном случае выступают как своеобразный “Восточный вал”, разделяющий Россию и Европейский Союз.

Таким образом, Запад не считает Украину и Беларусь европейскими государствами. В лучшем случае он их рассматривает как элемент внешнего периметра безопасности Европы. И это не удивительно. Ведь современная Европа – это не только единые стандарты, прописанные чиновниками Евросоюза, но и общее историческое и культурно-цивилизационное наследие, к которому, как бы это кому нравилось или не нравилось, Беларусь, Россия и Украина не имеют никакого отношения. А не имеют они к этому отношения, потому что изначально принадлежат к другой цивилизации – православно-славянской.

Еще можно было бы как-то согласиться с нашими “националистами”-западниками, если бы Евросоюз, НАТО и т. п. были ориентированы на сохранение национальной идентичности (скажем, белорусскости) или на развитие национального самосознания входящих в эти организации государств. Но ничего подобного не наблюдается даже в помине. Такая ситуация вполне естественна. Она обусловлена тысячу раз уже зафиксированным и подтвержденным в мировой социальной литературе процессом (его не помешало бы, наконец, заметить нашим так называемым “националистам” прозападной ориентации) интенсивного преодоления и отбрасывания Европой всего национального. “Европейский Союз всегда был постмодернистским проектом, призванным выйти за пределы базовых элементов модернистского мира: наций и национальных государств” [15]. Так пишет английский автор Д. Шерр. Причем, что интересно, тенденция к денационализации обнаружила себя в Западной Европе уже достаточно давно. Пожалуй, впервые ее достаточно ясно осознал всемирно известный немецкий исследователь В. Гумбольдт – создатель оригинальной и методологически эффективной версии цивилизационного подхода к анализу истории человечества. Пророчески заглядывая в будущее, он писал: “...Та власть, которой обладает над нами нами же созданная цивилизация, все определенной толкает нас в направлении универсализма, народы под нашим влиянием приобретают намного более единообразный облик, и формирование оригинальной национальной самобытности удушается в зародыше даже там, где оно, пожалуй, могло бы иметь место” (выделено нами – Ч. К.) [16, с. 60].

* Sotto voce – про себя, вполголоса (итал.).

Эпигонам и сторонникам “европейского выбора”, стремящимся не мытьем, так катаньем “вмонтировать” свои народы в западноевропейскую цивилизацию, следовало бы все же прислушаться к этим приведенным выше высказываниям и уяснить, наконец, себе тот общеизвестный факт, что Запад никогда не отличался национальной и культурной терпимостью и, похоже, не собирается ею отличаться в будущем. В отличие от Большой России, которая в ходе своего исторического развития смогла выработать целый ряд суперэтнических универсалий, Запад, в силу своих цивилизационных особенностей, вряд ли будет способным на это и сможет когда-либо строить свои отношения с оказавшимися в орбите его влияния народами (особенно с православными славянами) на основе принципа равенства и консенсуса. Опыт истории свидетельствует именно об этом.

Западную Европу в силу ее уникально благоприятных природно-климатических условий населяло к тому историческому моменту, когда англичане, французы и немцы стали создавать свои национальные государства, великое множество исторических этносов: кельтских, иллирийских, балтских, славянских и т. д. Где они сейчас на территориях этих государств? Ведь их было не меньше (если не больше), чем малых народов на территории России. Они все полностью уничтожены или ассимилированы. На территории Англии несколько раз почти полностью уничтожались коренное население и заменялось другим. Никто сейчас особо не вспоминает, что на территории Европы еще в эпоху Карла Великого и первых Каролингов (786–843) почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (первоначально это река называлась славянским именем Лаба), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю жили славянские племена: ободриты, лютичи, липоны, гавелы, гедарии, укры, поморяне, сербы и др. Что от них осталось? Выдающийся русский философ И. А. Ильин пишет в связи с этим: “Они подвергались завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия *вырезалась на месте*; затем обезглавленный народ подвергался *принудительному* крещению в католицизм, несогласные *убивались тысячами*; оставшиеся *принудительно и бесповоротно германизировались*” [17, с. 329].

Процесс уничтожения “нетитульных” народов и народностей в Западной Европе был таков, что они либо вообще исчезли, либо превратились к настоящему времени в своего рода этнические реликты (шотландцы, валлийцы, бретонцы, гасконцы, лужичане и т. п.). Сегодня только два древних народа в Западной Европе – ирландцы и баски (в Испании и Франции) – пока еще сохранили свою идентичность. Однако многолетние кровавые войны за элементарную национальную автономию так и не могут до сих пор увенчаться успехом [18, с. 71].

А теперь посмотрим на судьбу народов в составе России, в “тюрьме народов”. Как ни странно, все они выжили, развили свою культуру и чуть ли не по всей горизонтали России пытаются ныне создать свою государственность, которой у многих из них вообще никогда не было. Что бы там теперь ни говорили о России, но она, в отличие от Англии, Франции, Германии, Испании, никогда не была “кладбищем народов”. Историческая правда заключается в том, что нерусские народы, соединившие свою судьбу в пределах российской государственности, имели вполне реальные возможности для своего развития, а русский народ в массе своей не выступал по отношению к ним в качестве угнетателя и никогда не ставил перед собой цели их уничтожения. Более того, в ряде случаев нерусским народам (финнам, например) предоставлялись привилегии, которыми не пользовалась сама русская нация. Сам факт существования в России с древнейших времен по сегодняшний день полиэтнического состава правящего класса (и правительства) говорит о многом. Если бы не сложилась такая традиция, то в нынешних правящих структурах России этнический состав был бы наверняка совсем другой. По крайней мере, вряд ли бы занимал такое место в политическом руководстве России, как это мы наблюдаем сейчас, инонациональный компонент.

Но почему так произошло? Едва ли это стало возможным в силу какой-либо изначально присущей русскому этносу доброты к иноплеменникам. Скорее всего, это может быть объяснено историческими условиями жизни русского народа, его географией и климатом. Широта пространств, их малонаселен-

ность превращали в совершенно неразумное занятие полное искоренение и денационализацию ассимилируемых Россией территорий. Напротив, для выживания в суровых российских условиях необходимой была кооперация усилий, сотрудничество. На Западе же было тесно. Там борьба за овладение нишами выживания шла не на жизнь, а на смерть. Все это и формировало архетипические качества и менталитет народов: у русских – открытость, всечеловечность, уникально терпимое и доброжелательное отношение к другим народам, а у западноевропейцев – агрессивно-экспансионистское, высокомерное и враждебное.

Интересно, каким образом в сознании белорусских и украинских представителей западофилов совмещается стремление к национальному возрождению, к развитию национального самосознания и культуры с мечтой “войти” в “Европейский дом”, “продвинуться” в Европу, отдаться власти чиновников наднациональных структур Европейского Союза? Не есть ли это определенно-го рода “культурная шизофрения”, о которой вполне определенно говорит все тот же Хантингтон? В частности, он пишет: “Политических лидеров, которые неумело считают, что могут кардинально перекроить культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут вечно подавлять или навсегда удалить основные элементы своей местной культуры... Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории. Они порождают разорванные страны, но не смогут сотворить западные страны. Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой” (выделено нами. – Ч. К.) [19, с. 237].

Пора нам, наконец, научиться верно оценивать сущность, характер и направленность развития западноевропейской цивилизации. В решении этого вопроса может оказаться наиболее полезным и “взгляд изнутри”, то есть изучение концепций и теорий самих западноевропейских исследователей. Это важно потому, что всякий ложный образ, всякие иллюзии относительно сущности и характера западноевропейской цивилизации стоили и несомненно будут еще стоить незападным народам, в том числе и восточным славянам, непомерно дорого.

Западная цивилизация является потребительской цивилизацией. Но потребительская цивилизация, помимо всего прочего, не может существовать, не расширяясь за счет других цивилизаций, которые она постепенно поглощает, или, иначе говоря, потребляет. “...Западная цивилизация имеет своей целью ни больше ни меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и в воде, и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями – православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным, включая и уцелевшие примитивные общества, которые находятся в безвыходном положении даже в собственной цитадели – тропической Африке. Таким образом, современное столкновение ислама и Запада не только глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних, оно также представляет собой весьма характерный эпизод в стремлении Запада вестернизировать весь мир...” [19, с. 116]. Так писал А. Тойнби еще в 1947 году. Как все сказанное им и сегодня звучит актуально и современно! Не правда ли?

Что же нам делать в такой ситуации? Самим, подобно кроликам, лезть в пасть удаву или все же попытаться жить своим умом? Если мы, восточные славяне, не хотим, чтобы кто-либо манипулировал нашим образом жизни, нашим поведением, менталитетом и в целом нашей исторической судьбой, устанавливал контроль над нашими государствами, над нашей цивилизационной сверхобщностью (суперэтносом), то мы должны вести себя принципиально иначе, чем нам предлагают наши западники, которые, маскируясь под “националистов” и даже “патриотов”, на самом деле являются не чем иным, как добровольными внутренними эмигрантами, полпредами другой цивилизации, стремящейся завладеть нами и господствовать над нами. Если мы всего этого не хотим, то, наверное, нам следует пересмотреть приукрашенный образ “старой и доброй Европы” и ее “гигантского отпрыска” – США – и вместе с тем подумать о союзе с теми цивилизациями и народами, которые так же, как и мы, подвергаются открытому или замаскированному насилию и агрессии

(в том числе и с исламским миром, который не только граничит с нами извне, но и присутствует внутри нас).

Важно иметь в виду и следующее обстоятельство. США, население которых составляет от мирового чуть больше 4%, потребляет сырьевых и энергетических ресурсов, задействованных сегодня в мире, около 45%. Промышленность, вся инфраструктура, транспорт и т. д., которые обслуживают интересы этих четырех процентов, уже в течение 30 лет съедают весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США. Если бы возможно было каким-то образом отделить Штаты от российской Сибири и джунглей Латинской Америки, жизнь у них прекратилась бы. Из 72 основных видов сырья, используемых США, 69 завозится из других стран. А если добавить к США другие богатые страны, обеспечившие у себя потребительский образ жизни, то уже получится 15% населения от мирового. Эти 15% и есть так называемый “золотой миллиард” нашей планеты. К настоящему времени эти 15% населения уже потребляют 80% мировых сырьевых и энергетических ресурсов, а выброс в атмосферу углекислого газа равен 60% [20, с. 99]. И что интересно, “золотому миллиарду” этого уже не хватает: раскрутившийся маховик предпринимательской экономики, основанный на принципе получения максимальной прибыли, требует все больше и больше ресурсов. В результате в странах этого “миллиарда” или начнут снижаться достигнутые стандарты потребления, или правительствам этих стран придется усилить эксплуатацию других стран и народов. Такова объективная ситуация.

А вот другая статистика: в России население от мирового составляет около 3%, а на ее территории сосредоточена 1/3 мировых энергетических и сырьевых ресурсов.

На сегодняшний день это обстоятельство стало важным в выборе ориентаций и принимаемых решений в мировой политике. Здесь сконцентрированы ее основные пружины и хранятся ее ключи.

Вообще наша планета становится сегодня похожей на печально известный “Титаник”, получивший пробоину в своем корпусе в результате столкновения с айсбергом. Пассажиры “Титаника”, до поры до времени не располагая информацией о случившемся, суетно продолжают выяснять отношения друг с другом, добиваться, по причине психологической несовместимости со своими соседями, переселения из одной каюты в другую, влюбляться, обманывать и обворовывать один другого. Но когда всем становится известно, что корабль тонет, начинается борьба за овладение спасательными шлюпками. А шлюпок этих на всех не хватает... Получилось так, что на нашем “обшаренном шарике”, где все обсчитано, все измерено и всего оказалось недостатком, именно Россия, благодаря своему семижильному мужику, хозяйственно освоившему огромные новые территории, стала обладательницей наибольшего количества существующих в мире вот этих “спасательных шлюпок”, сильно вождедель которых начинают ныне многие*.

А сейчас, исходя из всего сказанного, попробуем провести своего рода мысленный эксперимент, включающий в себя осмысление двух сценариев относительно перспектив развития восточнославянских народов.

---

* Интересен вопрос, почему трудолюбивые японцы, постоянно испытывая давление плотности населения, так и не предприняли попыток (вплоть до XX века) освоить новые территории и выйти за пределы ограниченного пространства населяемых ими островов, а “ленивые” русские обошли их острова и приступили к освоению Американского континента, к созданию “русской Америки”? Это русские открыли и освоили Курильские острова, а не японцы, у которых они были под самым боком. Видимо, здесь дело в том, что у японцев издревле и повсеместно возобладало поведение по принципу “не высовываться”, быть похожими на всех. Открытие же новых земель как раз, наоборот, требовало иных поведенческих качеств — способности действовать нестандартно, а не японцы, то есть “высовываться”. В XV–XVII вв., в период централизации русского государства, сопровождающейся нарастанием регламентации поведения и ограничением былых местных свобод, одной из причин расселения стало бегство крепостных крестьян, холопов, городской нищеты на вольные земли окраин государства (Дон, Запорожье, Сибирь) и создание там специфических казачьих поселений. В этом, между прочим, проявилось стремление русских к индивидуальной свободе и неприятие ими строгой регламентации жизни. По своему менталитету русские были склонны подчинять свою деятельность скорее духу, а не букве законов, а этике правил они предпочитали этику принципов.

Сценарий 1. Предположим, Украина полностью отрывается от России, разрывает с нею все исторические, экономические, научно-технологические, военные, да и просто человеческие связи и отношения, отгораживается. Поставим вопрос: нужна ли Украина Западу и США? Нужна. Но нужна только в деструктивных целях: для того, чтобы ослабить Россию, набросить на нее петлю, не дать ей возможности создать свой самостоятельный центр развития и силы и тем самым иметь беспрепятственный доступ к ее ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов. Во всех других отношениях Украина Западу совершенно не нужна, не только не нужна, но даже представляет для него определенную опасность. “Европейский дом” тесен. Для расширения “клуба избранных” на нашей планете просто нет ресурсов. **Став составной частью балто-черноморского проамериканского санитарного кордона, отделяющего Россию от Западной Европы, Украина может превратиться в глухую окраину Европы и изгоя Евразии. Украина представляет интерес для США только до тех пор, пока она окончательно не разорвет отношения с Россией, сделает налаживание добрососедства с ней в дальнейшем невозможным.** Европе не нужна Украина как конкурент в получении ресурсов из третьих стран, не нужна она ей как конкурент и в области промышленного производства, особенно высокотехнологичного. Напротив, Западу необходимо любой ценой сохранить монополию на высокотехнологичное производство. Ибо это является важнейшим условием его доминирования в мире. **Но главное – Западной Европе не нужна Украина как чуждое духовно-ментальное и культурно-цивилизационное образование.** Так что после того, как Западу и США удастся взять под свой полный контроль Россию, Украине будет отведена роль самой жалкой периферии, самого дешевого рынка рабочей силы и места для сброса некачественных товаров и, прежде всего, роль генно-биологической подпитки состарившихся западноевропейских этносов. Если и Беларусь решит последовать примеру Украины, то и она станет такой же жалкой периферией. Космополитический и постмодернистский Запад никогда не будет беспокоиться о сохранении “белорусскости” и развитии национального самосознания у белорусского народа. Как представители другой цивилизации Беларусь и Украина никогда не достигнут реального равноправия со странами Западной Европы.

С другой стороны, одна Россия, без стратегического экономического, политического и военного союза с остальными восточнославянскими странами, вряд ли сможет сохранить свою территориальную целостность, удержать свою Западную и Восточную Сибирь – эту богатейшую в мире кладовую сырьевых и энергетических ресурсов, – ей для этого просто не хватит населения. На этот регион с откровенным вождением сегодня смотрят и США, и Япония, и Китай, и многие другие.

Итак, при реализации данного сценария будет достигнута цель раздробления восточнославянского мира, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров силы. Именно над осуществлением этой цели сейчас и трудятся весьма напряженно мозговые центры и генеральные штабы. И как это ни трагично, на примере Украины и России видно, что мы и сами помогаем мировым гегемонам в осуществлении этой цели. “Горько смотреть, – пишет украинский исследователь С. Н. Сидоренко, – как российская и украинская “элиты” наперегонки, отталкивая одна другую локтями, устремляются “в Европу”, изо всех сил стараясь продемонстрировать перед Западом свою “цивилизованность”. На Украине, по предписанию Запада, эта “цивилизованность” должна выражаться в отречении от своей тысячелетней русской истории, от созданного за эту тысячу лет духовного достояния, в предательстве русских интересов и т. д. От России же – в качестве проявления “цивилизованности” – Запад ожидает в первую очередь отказа ее от “имперских амбиций”, а также трансформации ее духовной сущности, ослабления тех духовных основ, на которых веками держалась русская жизнь. И, надо сказать, на протяжении всего послесоветского периода Россия очень старалась соответствовать предъявляемым требованиям, так что готова была жертвовать чем угодно, только бы признали ее “цивилизованность”, только бы причислили ее к Европе...” [21, с. 136].

Сценарий 2. Беларусь, Россия, Украина создают свой самостоятельный региональный центр развития и силы. В орбиту их влияния, не исключено, будут вовлечены еще какие-то страны и народы. В этом случае Рос-

сия сможет сохранить территориальную целостность, а соответственно и богатства своих недр. И тут надо понять самое главное: недра Западной и Восточной Сибири, в случае тесного союза восточнославянских народов, станут их общим стратегическим ресурсом. В их освоении, в создании всех необходимых инфраструктур наряду с русскими принимали активное участие и белорусы, и украинцы. Это наше общее достояние. Это наш общий потенциал для дальнейшего стабильного развития без ресурсного голода. В случае реализации этого сценария перед восточнославянскими странами открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Тогда в восточнославянскому миру, обладающему богатыми ресурсами и многочисленным населением, никто не сможет диктовать свои условия. Мы сами тогда сможем определять свой путь, свою стратегию, свою идеологию, свой перспективный “социальный проект”.

В реальности Беларусь и Украина только в союзе с Россией и могут стать значимыми субъектами мировой политики; для Запада Украина и Беларусь – это всего лишь объекты манипулирования и разменная монета в большой игре против России. Кроме того, принципиально важно здесь и то, что вне традиционного союза трех братских славянских народов не только Украина и Беларусь рискуют утратить свою идентичность, но и Россия в нашем агрессивном-конкурентном мире тоже не застрахована от этого. Правильно пишет все тот же Сидоренко С. Н.: “Без Киева, из которого берет начало наша история, без единого православия, без русской культуры, которая является общим достоянием великороссов, малороссов, белорусов и других народов некогда великой страны, и Россия, и Украина внутренне бессмысленны и взаимно неполноценны” [21, с. 135].

В рамках современного трансформирующегося мира восточнославянские народы должны взаимодействовать и одновременно соблюдать определенную дистанцию как в отношении к протестантско-католическому Западу, так и к мусульманско-буддийскому Востоку, но и не идя при этом на полное отчуждение от них. Современная цивилизация потеряет свое силовое и духовное равновесие, гармонизирующее поле развития, если восточнославянские народы полностью будут ассимилированы Западом или всецело окажутся во власти Востока. В принципе России с ее суровым климатом и огромной территорией, с ее в значительной степени неконкурентоспособной промышленной продукцией и т. п., необходимо введение автаркии, хотя бы ограниченного, гибкого характера. Непрерывающиеся попытки политического руководства Российской Федерации на каких угодно условиях добиться включения России во все более-менее значимые глобалистские структуры изначально таили в себе множество опасностей и ловушек. Опыт сегодняшнего дня свидетельствует, что идея интеграции российской экономики в мировую оказалась порочной, даже хотя бы потому, что те финансовые механизмы, которые были созданы якобы для привлечения иностранных инвестиций, на деле служили целям вывода капитала из России в мировую экономику. На фоне враждебной активности нового мирового рынка Россия, безрассудно отдавшаяся во власть этого рынка, сильно напоминала “неразумного мышонка, взявшего себе в няньки кошку только потому, что та очень сладко пела” [22, с. 137]. На практике получилось ни что иное, как сдача на милость победителю – всесильному транснациональному капиталу (“глобальному экономическому монстру”), а вовсе не создание какого-то своего полноценного рынка и капиталистической экономики продуктивного типа. Западу, наконец, удалось избавиться от извечного и очень сильного геополитического конкурента.

Акцентируем внимание, что мы здесь ведем речь не об автаркии, которая отгородит Россию от дальних и ближних соседей каменной стеной. Россия как великая держава не может не выдвигать мироустроительных идей, не участвовать в формировании нового мироустройства, новой геоструктуры мира. Без этого Россия была бы не Россией. Речь в данном случае идет лишь о таком уровне, форме и направленности экономической изолированности, которая позволила бы России научиться производить все необходимое на своей территории – всю технику – кроме, пожалуй, бытовой, все продукты питания, кроме тех, без которых можно обойтись, все информационные ресурсы, разве что помимо чисто развлекательных и т. п. Иначе говоря, идеалом экономического развития России (разумеется, с учетом экономик ее ближайших

союзников, в первую очередь близкородственных ей народов в цивилизационном и социокультурном отношениях) должно стать “новейшее натуральное хозяйство” [23, с. 45], при котором будет производиться все то, что необходимо для независимого, самостоятельного существования, а закупаться все то, что не разоряет страну.

Следует также подчеркнуть, что изоляционистские меры необходимы не только для достижения экономической автаркии, но и для укрепления культурной, духовной автаркии, поскольку сколь-нибудь серьезные преобразования общества невозможны как без того, так и без другого.

О гибельности взятого курса на полную интеграцию экономики России в мировую весьма наглядно свидетельствует и исторический опыт дореволюционной России. Если внимательно присмотреться к истории России, то можно обнаружить следующую зависимость: когда русская валюта так или иначе конвертировалась (например, когда она ходила в виде серебряной или золотой монеты), а торговые отношения были облегчены, — дело кончалось кризисом, революционной ситуацией, долговой ямой. Если же валюта была неконвертируема и таможенно-пограничная политика была жесткой, — то без всяких иностранных инвестиций промышленность росла, и государство усиливалось, как это, например, было во время царствования Александра III [24, с. 150]. И вот, несмотря на все это, и в то время, когда уже жестко встал вопрос о необходимости развития экономики России после ее столь бездарного подключения к мировому рынку, мы по-прежнему не перестаем слышать бесконечные, подобные заклинаниям, утверждения о том, что без интеграции в мировую экономику невозможно возрождение России.

Отметим, что теория экономического изоляционизма нашла свое классическое и, пожалуй, наиболее полное выражение в работах Ф. Листа, сформулировавшего принципы “экономической автаркии больших пространств” [25]. Ф. Лист убедительно показал, что экономика должна быть подчинена национальным интересам, а всякая апелляция к “автономной логике рынка” является лишь прикрытием для экономической (впоследствии и политической) экспансии богатых государств в ущерб более бедным. Заметим, кстати, что именно модель Ф. Листа всякий раз довольно успешно использовалась государствами, оказавшимися в ситуации кризиса. Например, В. Ратенау, автором германского “экономического чуда”. Правда, Лист настаивал на невозможности осуществления принципа “автаркии больших пространств” в странах с недостаточным демографическим, ресурсным и индустриальным потенциалом. На этом основании он в свое время выдвинул идею “таможенной интеграции”, призванной объединить Германию, Пруссию и Австрию в единый промышленно-финансовый блок, так как только при условии такого объединения можно было успешно конкурировать с развитыми колониальными державами того времени — Англией и Францией.

В нашу эпоху глобальных трансформаций эти идеи Листа приобрели особую актуальность и новое звучание. В самом деле, сегодня эффективно конкурировать, например, с таким “большим пространством”, каким является трансатлантический блок, может только его континентальный аналог в Евразии, о чем, кстати сказать, настойчиво предупреждает правительство США З. Бжезинский. Поэтому даже такая большая страна, как Россия, в сегодняшних условиях вряд ли сможет стать самодостаточной без надежных союзников. Хотя в России объективно и заложена онтологическая предрасположенность к автаркичному типу государственности и цивилизационного устройства, поскольку она в большей степени, чем многие другие государства, обладает необходимыми ресурсами и геополитическими условиями для этого, ей, тем не менее, одной будет чрезвычайно сложно пойти по пути развития в автономном режиме. Демографическая ситуация в России — вот ее “ахиллесова пята”. Только, например, для того, чтобы по-настоящему обжить и обустроить Сибирь, то есть осуществить своего рода внутреннюю экспансию, ей понадобится намного больше трудоспособного населения, чем то, которым она сегодня располагает. Следовательно, России как одному из наиболее крупных евразийских государств необходимо как можно быстрее стать действительным центром притяжения для соседних менее крупных государственных образований, в частности, сумеет, наконец, добиться тесного экономического, политического и военного союза с близкородственными ей в социокультурном и цивилизационном отношении восточнославянскими странами — Белару-

сью и Украиной. Нам никогда не следует забывать, что восточнославянские народы, учитывая общность их исторических путей развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, являются естественными союзниками высшей степени. Напомним, что технологический потенциал Советского Союза был по преимуществу сосредоточен в трех славянских республиках – России, на Украине и в Беларуси. И воссоздавать его поэтому разумно в теснейшем взаимодействии и кооперации. Народы Беларуси, России и Украины, их духовные и политические элиты должны осознавать, что восточнославянская цивилизация, определившая возможность их существования в современных условиях и являющаяся гарантией их суверенного существования в будущем, сама по себе является непреходящей ценностью.

Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что события в настоящий момент трагически разворачиваются в совершенно другом направлении. В отличие от всех других регионов мира только один регион – восточнославянский – не “играет в команде”, идет не по пути интеграции, а по пути дезинтеграции. Нас разделяют, а мы и сами с энтузиазмом разделяемся. В этом процессе, как представляется, в наибольшей степени повинны Кремль, российская политическая элита.

В чем это проявляется? В экономическом плане Беларусь и Украина только в том случае могли бы по-настоящему заинтересованно взять курс на сближение с Россией, если бы она допустила эти страны к добыче необходимых для нужд их национальных экономик энергоресурсов на своей территории, пошла бы на реальное создание единого экономического пространства с выделением им долевого собственности на сырьевые месторождения, стала привлекать их к реализации крупномасштабных модернизационных проектов, предпринимала различные другие такого рода действия, вплоть до введения общей валютной системы. Только так возможно было бы прочно привязать политику данных стран к политике России, исключив при этом влияние США в восточнославянском регионе. Понятно, что эти меры, предпринимаемые Россией, не должны носить односторонний характер, их следует компенсировать соответствующими шагами с белорусской и украинской стороны. Диву даешься, что Россия допустила к добыче энергоресурсов на своей территории Германию, Великобританию, Францию, США и Японию – страны, только тем и озабоченные, чтобы исключить всякую возможность возрождения России в качестве конкурентоспособного центра развития и силы, но не поступила аналогичным образом в отношении своих самых близкородственных народов – белорусского и украинского.

В чем дело? Почему так получилось?

Все дело в том, что в России у власти оказались люди не с государственным, а с коммерческим мышлением, “низкие мужи” (если прибегнуть к терминологии Конфуция). Нынешняя российская политическая элита рекрутировалась в основном из фарцовщиков и торговцев джинсами, из сословия “лавочников-полунинтеллигентов”, сформировавшихся в немалом количестве к началу “перестройки”, “озверелых мещан”, у которых ненасытная жажда потребления и “уродливо развитое чувство собственности” (М. Горький) являются абсолютно доминирующими. Эти люди к тому же были иррациональными, совершенно обезумевшими западофилами (западоидами), испытывающими бесконечное восхищение успехами “общества потребления”, получившего тогда интенсивное развитие в западноевропейских странах. “Они с юности впитали пренебрежение к понятиям “государство”, “империя”, “национальный интерес” и т. д. Все эти понятия в глубине души являются для них фикцией и объектом насмешек. Они научились прекрасно их использовать в пропагандистских целях, но нисколько в них не верят. Неожиданно эти люди взяли власть на руинах Советской империи, которая еще недавно казалась вечной. Они поняли, что это великий шанс утилизировать советское наследство. Советская власть, возможно, была плохой, жесткой, но, как выяснилось, именно она создала все, на чем сотни людей стали в одночасье миллиардерами. За постсоветский период не было создано ничего нового, прошло уже почти двадцать лет, и запас прочности еще полностью не исчерпан – вот что натворила советская власть” [26, с. 29].

Вообще, что касается российской власти, то и в ее недрах протекали весьма прискорбные метаморфозы. Ее носители претерпели явную примитивизацию своего культурного уровня и вкусов. Обновленная в 90-е годы прошлого

столетия российская властная (и не только) элита стала характеризоваться упрощением всех показателей “элитарности”. Практически вся новая российская элита оказалась “заквашенной” на ширпотребе (западном и своем местном), на коррупции и воровстве. Недаром некоторые исследователи для характеристики властной российской элиты применяют, наряду с прочим, слово “клептократия”. Так, например, в ряде публикаций М. Г. Делягина данная характеристика российской властной элиты встречается весьма часто.

Представители же старой советской элиты (и политической, и культурной), вошедшие во власть, быстро отказались от своих прежних стандартов и ограничений и, на удивление, легко приспособились к новым веяниям времени. Практически большинство представителей современной российской элиты, не исключая и некоторых носителей государственной власти высшего уровня, являют собой усредненный продукт городской массовой культуры. Оказалась, что новая элита не только заинтересована в ухудшении “человеческого материала”, в снижении качества образования, культурного потенциала, поскольку в этом случае легче манипулировать массами, но и сама не смогла избежать интенсивного процесса интегрирования в массовую культуру и утери свойственного подлинной элите уровня и качества. Неудивительно, что данную ситуацию не ограниченного традиционными просветительскими рамками проникновения современной массовой потребительской культуры в элитарные круги Ю. А. Левада охарактеризовал как доминанту “среднего вкуса”. И в самом деле, данные социологических опросов однозначно свидетельствуют, что “культурные вкусы и запросы доступной исследованию, относительно многочисленной “социальной элиты” практически ...не отличаются от средних. Не видно позиций держателей “высокого” уровня. Показательно, что в сфере музыкальных интересов главным носителем массовой моды (эстрада, рок) оказываются “верхние” статусные группы” [27, с. 317–318].

К сожалению, на сегодняшний день “верхи”, у которых доминирует “средний вкус”, определяют политическую линию развития огромного государства более чем с тысячелетней историей. Большого несчастья вряд ли можно пожелать какому-либо народу. А если еще учесть некоторую этническую разобщенность властной и культурной элиты, а также нарастающие в ее недрах противоречия между различными группами и кланами, то ситуация приобретает уже совсем драматический оборот. Поэтому сегодня проблема формирования новой национальной элиты – это проблема сохранения России как целостного государственного образования. Без кардинальной трансформации элит Россия не имеет перспектив на дальнейшее развитие.

В самом деле, может ли быть способной такого рода элита на геостратегические “инвестиции в интеграцию” восточнославянских народов? Напротив, для нее естественнее стремление к подавлению даже ростков какой бы то ни было великодержавности русского народа, к умалению его исторической миссии. Утеря величия духа, отказ от любых амбиций геополитического характера, презрение к имперскому миропониманию – вот что в наибольшей степени характерно и для современной российской элиты. Глубоко не правы те, кто сегодня обвиняет российский политический режим в имперских претензиях. Вся проблема как раз состоит именно в том, что российское политическое руководство вообще утратило всякие имперские амбиции. Если бы эти амбиции сохранялись в том виде, как они были характерны для традиционной российской (в том числе советской) государственности, то можно было бы не сомневаться в том, что нынешняя российская власть строила бы свои отношения не только с Беларусью и Украиной, но и с другими странами СНГ отнюдь не только на коммерческой основе. На имперские амбиции сегодняшний российский режим явно не тянет. Империя предполагает наличие мироустроительных идей и действий, заботу, сбережение и развитие народов, оказавшихся в пределах ее границ, обустройство окраин и преодоление их отсталости в цивилизационном и социокультурном отношениях. Что касается российской империи, то она никогда не была системой угнетения одной нацией других и представляла собой в целом семью братских народов, объединенных общими целями и интересами, хранящих единство в многообразии. На такую империю даже в мыслях не способны замахиваться утвердившиеся ныне у власти “коммерсанты” и “бизнесмены”. Они все по определению являются “временщиками”, поскольку почти исключительно озабочены сиюминутной выгодой и получением максимальной прибыли “здесь и сейчас”.

В России сложилась система монетократии – власть денег. Для нынешней российской элиты деньги представляют собой не просто функциональную вещь, средство. Для основной массы ее представителей деньги – это бог, абсолютная ценность. “...Они считают, что при помощи денег можно решить любые проблемы, в том числе и метафизические... То есть деньги – это не просто инструмент для решения каких-либо сугубо практических вопросов, это кардинальная характеристика человека, имманентная ему. Она отличает людей категории А от людей категории Б” [26, с. 32].

Сегодня можно определенно утверждать, что причина всех провалов и поражений России в постперестроечный период, небывалое падение ее международного престижа и авторитета состоит не столько в ослаблении ее военной мощи и экономического потенциала, сколько в том, что у руля государства стали люди, бесконечно далекие от родной почвы, беспрецедентно эпигонствующие и подражательные. Они оказались неспособными понять, ни какая страна досталась им в управление, ни какие у нее сильные и слабые стороны. Им также оказалось неведомо (они, собственно, и не интересуются), на каких традиционных опорах держалась и может держаться русская жизнь, какие ценности и ориентиры для русского народа являются базовыми, инвариантными, то есть ни при каких обстоятельствах не подлежащими пересмотру.

В сущности, то, что в последние два десятилетия осуществлялось во внутренней и внешней политике от имени России, на деле не было реализацией ее глубинных интересов, а было подчинено корыстным интересам “тонкой прослойки” представителей “малого народа” (если прибегнуть к терминологии И. Р. Шафаревича), грабщей “большой народ”. Причем, что интересно, деятельность этой кучки расчленителей и грабителей России в высшей степени соответствовала интересам и устремлениям внешних враждебных России сил, активно поощрялась и направлялась этими силами. Сказанное оттеняет большой важности факт: реформаторская элита изначально не отождествляла себя с “этой страной”, воспринимая ее как колонизируемое пространство, из которого предстоит как можно быстрее выжать все ценное и имеющее в мире спрос, а затем убежать за рубеж, предоставляя ее самой себе.

Однако нет худа без добра. Большинство народа, обнаружив предательство собственных элит, ведущих себя подобно колонизаторам и эмигрантам, а также убедившись и в “предательстве” Запада, откровенно ставшего исповедовать двойные стандарты (один – для внутреннего пользования, другой – для внешнего), сменило свою ценностно-мировоззренческую ориентацию. Если еще совсем недавно довольно многочисленные слои и группы восточнославянского общества и в самом деле верили, что радикальные рыночные реформы откроют им дверь в богатый “европейский дом”, то немного позже им стало ясно, что путь с Востока на Запад им закрыт, и что для них все явственнее и принудительнее вырисовывается совсем иная перспектива – перспектива выхода из “второго мира”, в котором они жили до “перестройки”, и перспектива вхождения в “третий” и “четвертый” миры Востока и Юга. Это обстоятельство, как представляется, станет, в конечном счете, объективной предпосылкой ротации элит, прихода к власти здоровых патриотических сил, способных реализовать глубинные, стратегические интересы восточнославянского общества.

Сегодня, с какой стороны ни подойти, приходится видеть трагическую несоизмеримость великого духовного содержания и, в целом, масштабов русского мира, который достался российской власти в наследство, и тех убогих государственной оболочки и формы, в которые теперь пытаются его загнать и упаковать. Несоответствие самой природы нынешней российской государственности тем насущным задачам, которые стоят перед восточнославянскими народами, всем русским миром (начиная с задач сохранения его фундаментальных духовных основ), все еще продолжает бесконечно удивлять и поражать.

Если бы российские реформаторы хоть в незначительной степени обладали чувством национальной почвы, должным уважением к специфике и исторической судьбе своих народов, то им нетрудно было бы понять, что всеобщая капитализация в этих странах путем полного разрушения государственной собственности и целостного народно-хозяйственного комплекса, созданного ценой невероятных жертв и усилий народа, в принципе неприемлема. Ведь только подумать: Беларуси приходится договариваться о разработке месторождений нефти и газа с Венесуэлой, Азербайджаном, Туркменистаном, с кем

угодно, только не с Россией. Отказ допустить своих ближайших соседей к добыче энергоресурсов на территории России, похоже, никак нельзя иначе объяснить, как стремлением ее политического руководства сохранить за собой шантажный потенциал в отношении всех стран СНГ. Гибельность такой коммерчески ориентированной политики очевидна. Ведь, в конечном счете, главным вопросом Союзного государства (и в целом отношений России и Беларуси) выступает вопрос о привлекательности России как страны для рядовых граждан белорусского общества и о реальных гарантиях определенного рода преимуществ для его элиты в случае тесного союза в финансово-экономической, политической и военной сферах. Белорусская элита (широкий слой руководителей и чиновников разного рода) должна иметь твердые основания надеяться на обеспечение их собственных интересов – получение ими в результате интеграции чего-то выгодного и недоступного без этой интеграции. Иначе говоря, неотъемлемая часть их интересов должна быть надежно гарантирована. В противном случае белорусская, как, впрочем, и украинская элита будет не содействовать действительному союзу восточнославянских государств, а противодействовать ему, что, собственно, и наблюдается в последнее время. Но российский (точнее сказать, антироссийский) олигархический режим все эти проблемы мало волнуют. Этот режим не только не ориентирован на осуществление хоть какой-либо имперской миссии на постсоветском пространстве, но его, судя по всему, мало заботит даже историческая судьба, будущность самой коренной России. Если так будет продолжаться и дальше, то нет сомнения, что за Украиной и Грузией потянутся в НАТО и все другие страны СНГ. Неудивительным становится и то, что в Беларуси все больше граждан приходит к выводу, что не имеет смысла и даже опасно объединяться с Россией, пока там правят бал коррупция и олигархи. Последние так же будут грабить белорусский народ, как они грабят русский. И это действительно так.

Однако надо понимать, что без “инвестиций в интеграцию” и Россия, и Беларусь, и Украина будут обречены на дальнейшую деградацию, распад, частичное или полное поглощение своими консолидированными и более успешными геополитическими конкурентами. В реальности существуют объективные факторы целесообразности единения этих трех родственных народов, от которых очень трудно отмахнуться, даже если бы кому-либо очень этого хотелось. И надо полагать, что эта объективная потребность возьмет свое. Есть также уверенность, что Россия изживет, перемелет олигархический режим, что русский народ сможет, в конце концов, привести к власти тех людей, которые будут реализовывать его глубинные интересы. И белорусский, и украинский народы в этом должны ему помогать.

Многое в дальнейшем будет зависеть и от Украины. После выборов 7 февраля 2010 года Украина вышла на историческое перепутье. Перед ней открываются три дороги: во-первых, она может продолжать и дальше двигаться в прозападном направлении с перспективой, как было уже показано, полной потери своей политической субъектности, крахом своей собственной экономической системы, а также “вымыванием” наиболее биологически и социально активной части своего населения, как это сейчас происходит в Прибалтике и Польше. Во-вторых, она может еще некоторое время маневрировать между Западом и Россией, надеясь на получение разного рода преимуществ и преференций с той и с другой стороны. Но такая ситуация приведет только к потере исторического времени и ослаблению потенциала развития. В-третьих, Украина может взять курс на крупномасштабное сближение с Россией. Но избрание этого пути движения будет в равной мере зависеть как от Украины, так и от России. Однако чтобы это произошло, нужна смена элит. А это очень сложный процесс. Пока нельзя с уверенностью сказать, что существует в России и на Украине достаточное количество людей – критическая масса, способная сформировать новую элиту. Но как бы там ни было, ясно одно: от власти должны быть отстранены коммерсанты-бизнесмены. К власти, как на Украине, так и в России, – акцентируем внимание, – должны прийти люди, обладающие масштабным государственным мышлением.

Сегодня перед восточнославянскими странами стоит задача не допустить такой ситуации, когда процесс нарастающей регионализации, консолидации региональных групп и центров силы будет происходить без них. Коллективно, то есть независимо от устремлений наших геополитических конкурентов, восточнославянский регион, будучи в окружении экономически и политиче-

ски более сильных конкурентов – Западной Европы и Китая, – будет испытывать огромные трудности в процессе своей консолидации. И уж тем более в деле превращения в самостоятельный центр развития и силы, то есть в центр притяжения надежных союзников и партнеров. Это обстоятельство, безусловно, потребует от восточнославянских народов определенного рода сверхусилий, а от их элит и лидеров – политической воли, смелости и целеустремленности. В противном случае восточнославянские народы могут оказаться кандидатами на утерю своей исторической и политической субъектности.

Восточнославянским народам необходима **духовная мобилизация**. Данную необходимость диктует актуальный характер вызовов обществу, которые в своей действительности сегодня проистекают не только из прошлого, но и во все возрастающей степени продуцируются будущим и требуют для адекватного ответа интеллектуальных прорывов и новых проектных решений, соответствующих реалиям современности. Восточнославянские мыслители, озабоченные состоянием своих стран, должны противопоставить бесперспективности идей западников, занятых лишь торгом вокруг наиболее выгодной траектории встраивания восточнославянских стран в западноевропейскую цивилизацию, мобилизационный “проект будущего” опережающего, а не догоняющего характера, выводящего оптимальные пути развития восточнославянских народов на собственной культурно-цивилизационной основе. Выдвигать и обосновать собственную теорию, точнее, метатеорию, позволяющую сформировать принципы и направления движения Беларуси, России, Украины в сторону свободной, не занятой и не детерминированной другими странами и народами ниши существования в нынешнем противоречивом и сложном геополитическом пространстве. Их задача состоит в том, чтобы по возможности выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости и вместе с тем открывают для восточнославянской цивилизации длительную историческую перспективу.

Восточнославянские народы должны иметь право и возможность целенаправленно и действовать сообразно своим историческим традициям, цивилизационным особенностям и интересам. Они, сполна познавшие крайности дилеммы “социализм – капитализм”, должны отказаться от бесперспективного эгигонаства и приступить к решению действительно трудной творческой задачи – выработке нового проекта будущего, выдвижения великой альтернативной идеи, ориентированной на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Только решение таких грандиозных задач может вдохновить восточнославянские народы.

При этом мы убеждены, что “вулкан истории” отнюдь не потух и способен к новым цивилизационным “выбросам”. “Цветущее многообразие” (выражение К. Леонтьева) культур не оставлено навсегда позади, и “конец истории” еще пока не наступил. Космогонические процессы образования новых миров (моделей) еще, к счастью, продолжаются, и история остается открытой для творчества, для поисков новых, неизведанных путей развития. Всего за 30–40 послевоенных лет в мире появилась, наряду с Атлантической, новая цивилизационная модель – Тихоокеанская. Нет поэтому никаких оснований с порога отрицать и возможность появления еще одной модели – Евразийской, например. Евразийская модель – это специфическая цивилизационная общность, интегрирующая импульсы Запада и Востока, Севера и Юга и по-своему преломляющая, творчески синтезирующая их. Она должна быть направлена на изживание раскола восточнославянских народов и внутрироссийского раскола, быть ориентированной на всемирность и всечеловечность. Иначе говоря, проблема состоит в том, чтобы разумно соединить лучшие черты многовекового опыта России и других восточнославянских народов, в том числе и опыта их недавнего советского прошлого, с достижениями стран Востока и современного постиндустриального общества Европы и Северной Америки, отсекая при этом все то, что не соответствует историческим традициям и национальным интересам народов, составляющих эту общность, и ведет к потере ими своей самоидентификации, своей осевой, центральной, смыслообразующей ценностной идеи.

Как свидетельствует история, возникновение новых цивилизаций всегда развертывалось в сфере духа – в ходе формирования оригинальной системы

ценностей и нового видения горизонтов бытия. Подражание не может быть источником вдохновения. Оно никогда не станет основой для формирования самобытной цивилизации. Его результаты всегда будут вторичны и неинтересны другим народам. “Не числом, а умением”, силой духа формировались новые цивилизации. Например, никому не известное племя, поселившееся на левом заболоченном берегу Тибра, ведущее примитивное сельское хозяйство и по всем другим параметрам отстающее от богатых городов Средиземноморья, через несколько веков превратилось в могучую Римскую империю. Почему? Да потому, что Рим выработал принципиально новую социально-политическую модель развития. В силу той же способности к новаторским решениям слабые аравийские племена, постоянно теснимые соседями, создали грандиозную мир-империю – арабский халифат. Немногочисленные христианские общины, впервые в истории перенесшие социальную борьбу в духовную сферу, вызвали к жизни самую влиятельную и многочисленную мировую религию. А это означает, что будущее зависит не только от объективно-исторических факторов (численности населения, размера территорий и т. п.), но и от адекватного исторического выбора и от способности к конструктивному проектированию, то есть от субъективного фактора истории.

Сегодня восточнославянским странам нужны мыслители и практики с развитым чувством долга и чести, обладающие “длинной волей”, способные силой мысли заглянуть за привычный горизонт событий. Именно они, используя свои творческие силы, могут выдвинуть и реализовать в ходе развернувшейся в нашем тесном земном мире битвы за будущее свой жизнеспособный проект восточнославянской цивилизации как регионального самодостаточного центра развития и силы. Противоречивость нынешней ситуации, растерянность общества могут быть преодолены лишь посредством той или иной формы подвижничества и интеллектуальной мобилизации.

Смеем смело высказать тезис: если Россия, Беларусь и Украина не смогут достичь тесного экономического, политического и военного союза, то есть стать самодостаточным центром развития и силы, то их ждет жалкое полуклональное существование, деградация и угасание. Их попросту, каждую по отдельности, раздавят другие центры силы. При подобном развитии событий, акцентируем внимание, наши дети и внуки, многие из которых уже успели стать жертвами (“инвалидами”) информационной войны, ведущейся против восточнославянских (как, впрочем, и целого ряда других) народов, могут оказаться рабами XXI века, мелкой разменной монетой на мировом рынке труда. Правда, рабство XXI века кандалов и цепей не потребует. Оно будет выступать в других, более завуалированных формах. Рабство XXI века – это рынок дешевой рабочей силы; это территория для разрешения вредных производств и вредных отходов; это место для сброса некачественных товаров; это “сырьевые приделки” для других стран и т. д. Но такого поворота событий восточнославянские народы не должны допустить ни при каких обстоятельствах.

Причем здесь важно иметь в виду: будущее в значительной степени станет таким, каким мы его увидим сегодня. В силу действия механизма “самоорганизующихся” и “самоосуществляющихся” пророчеств оно не в малой степени будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что мы будем бороться. Это происходит потому, что люди узнают об ожидаемом их будущем, воздействующем на их дела “здесь и теперь”, в сегодняшней жизни. Именно явные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Стало быть, представление о будущем – это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. Поэтому мы можем и должны воздействовать на это будущее в желаемом для нас направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровников А. В. Кто будет заказывать музыку? / А. В. Бобровников, В. М. Давыдов // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 2.
2. Делягин М. Г. Предстоящий мир: некоторые базовые тенденции и требования к России / М. Г. Делягин // Мир в 2020 году // М., 2007.

3. Шишков Ю. В. Регионализация и глобализация мировой экополитики: альтернатива или взаимодействие? // Ю. В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8.
4. Глазьев С. Таможне дают “добро...” / С. Глазьев // “Завтра”. – 2009. – № 51 (839).
5. Барма Н. Мир без Запада / Н. Барма, С. Вебер, Э. Ратнер // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 11.
6. Олтман Р. Великий крах – 2008: геополитическое поражение Запада / Р. Олтман // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
7. Пабст А. Белинская доктрина: от атлантической однополярности к панъевразийскому сообществу безопасности / А. Пабст // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
8. Ео Дж. Эпоха великой переоценки / Дж. Ео // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
9. Верхофстадт Ги. Три выхода для Европы: на пороге “нового века империй” / Ги Верхофстадт // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
10. Полити А. После “бушеномики”. От бездержавной многополярности к текущим балансам / А. Полити // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
11. Белл Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл // Свободная мысль. – XXI. – 2006. – № 6.
12. Фергюссон Н. Мир без гегемона / Н. Фергюссон // Свободная мысль. – XXI. – 2005. – № 1.
13. International Herald Tribune. – 2008. – Dec. 17.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // М., 2003.
15. Шерр Д. Россия и ЕС в разных координатах времени / Д. Шерр // Независимая газета. – 2002. – 11 декабря.
16. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт // М., 1984.
17. Ильин А. И. Что сулит миру расчленение России / А. И. Ильин // Собр. соч. – Т. 2. – К. 1. – М., 1993.
18. Кожин В. В. История Руси и русского слова / В. В. Кожин // М., 1999.
19. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби // М., 1996.
20. Крылова И. А. Дестабилизация социально-экономической обстановки в России / И. А. Крылова // Философия и общество. – 1999. – № 1.
21. Сидоренко С. Н. Новая Россия и бывшая Малороссия / С. Н. Сидоренко // Москва. – 2003. – № 11.
22. Голанский М. Россия на перекрестке двух дорог / М. Голанский // Москва. – 1997. – № 8.
23. Володихин Д. Вера в собственные силы / Д. Володихин // Политический журнал. – 2008. – № 11.
24. Паршев А. П. Почему Россия не Америка / А. П. Паршев. – М., 2000.
25. Лист Ф. Национальная система политической экономии / Ф. Лист. – СПб., 1841.
26. Белковский С. В стране сложилась монетократия – власть денег / С. Белковский // Политический класс. – 2009. – № 11.
27. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000 / Ю. Левада. – М.: Моск. школа полит. исслед., 2000. – 576 с.